

В.Е.Гимпельсон

**УВОЛЕННЫЕ РАБОТНИКИ НА РЫНКЕ ТРУДА: ВЛИЯНИЕ ЛОКУСА
КОНТРОЛЯ НА ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЗАНЯТОСТИ***

Гимпельсон Владимир Ефимович — кандидат экономических наук, заведующий лабораторией ИМЭМО РАН.

* Данная работа продолжает статью В.Е.Гимпельсона и В.С.Магуна "Уволенные на рынке труда: новая работа и социальная мобильность", опубликованную в "Социологическом журнале", 1994, N.1.

Потеря работы и безработица в общественном сознании: эрозия мифа. Вынужденный уход с работы всегда является серьезным морально-психологическим испытанием [1, 2, 3]. Его последствия тем значительнее, чем труднее потом восстановить полноценную занятость, Потеря работы болезненна для людей в любом обществе, но, пожалуй, создает особые проблемы в странах с транзитивной экономикой. Это связано не только с комплексом экономических причин, получившим название трансформационной рецессии [Я.Корнай] (общий спад производства и инвестиционный кризис, сопровождающие переходные процессы), недоразвитостью институтов рынка труда, но и с обстоятельствами социально-психологического свойства. Отсутствие открытой безработицы при социализме традиционно считалось одной из козырных карт социалистической идеологии и практики. Многие миллионы советских людей выросли с искренней верой в то, что проблемы безработицы лично их не касаются (и никогда не коснутся), а их рабочие места и должности являются чем-то вроде неотчуждаемой личной собственности. Подобная уверенность, естественная для трудоемкой экономики, делала ненужным воспитание готовности к преодолению трудностей, блокировала освоение способов адаптации на рынке труда. При этом, разумеется, вырабатывались и закреплялись другие поведенческие реакции, отражавшие специфику социалистического типа занятости [4]. Это противоречие — угроза быстро растущей безработицы на фоне институциональной и моральной неготовности общества к борьбе с ней — чревато опасными последствиями социального и политического характера.

В конце 80-х — начале 90-х годов, еще до начала гайдаровских реформ, несмотря на аккомпанемент умышленно и неумышленно нагнетавшихся страхов о надвигающейся сверхбезработице, российское общество прошло значительный путь от доминирования идеологических мифов об ужасах безработицы при капитализме и торжестве полной занятости при социализме к более спокойным и рациональным оценкам. Многие экономисты предвещали обвальную и тотальную безработицу уже в ближайшее время, угрожая полным распадом общества. Согласно разным оценкам, масштабы предстоящей в СССР безработицы могли составить от 4 до 40 млн. человек¹. Главная цель некоторых "прогнозистов" в тот момент времени (когда дискуссии о том, какая модель реформ будет наиболее адекватна российским условиям, еще не воплотились в конкретных решениях) была в том, чтобы запугать население и политиков последствиями быстрых преобразований, максимально замедлив возможные перемены. Тем не менее общественное мнение начало сдвигаться в другую сторону: в конце 1990 г. 47%

¹ Различные прогнозы, относящиеся к 1988-1991 гг., представлены в обзоре в книге В.Москоффа [5].

опрошенных считали безработицу либо допустимой, либо даже полезной. К началу 1992 г. доля сторонников этой точки зрения достигла 54%, а в январе 1993 г. (когда уже произошел хотя и существенно меньший, чем прогнозировалось, но всплеск увольнений и безработицы) это мнение разделялось 52% (правда, к концу 1993 г. этот показатель снизился до 45%). Соответственно, число тех, кто считал, что "безработица в нашей стране недопустима", равнялось 39%, 33%, 35% и 38% взрослого населения [6]. Более того, это представление о допустимости безработицы стало распространяться даже среди безработных [7]. Подобная динамика общественного мнения стала одним из индикаторов глубоких позитивных перемен в сознании российского общества, свидетельствующих о росте его готовности к радикальной трансформации. Как показывают наши исследования, спокойное и рациональное отношение к проблемам занятости положительно коррелирует с другими индикаторами прорыночной ориентации [8]. Возможные стратегии поведения на рынке труда тех, кто потерял работу, могут быть относительно автономными от того, как они воспринимают безработицу. Идеологическое и психологическое неприятие самой допустимости безработицы может сопровождаться значительной персональной активностью и адаптивностью. Возможно и обратное: за разговорами о необходимости радикальных экономических реформ, как следствие которых приходит открытая безработица, скрывается пол-Н2.я личная растерянность и неспособность к индивидуальной адаптации. Последнее, кстати, часто свойственно представителям российской интеллигенции, внесшей большой вклад в крах коммунизма. Но именно рациональная адаптивность, способность и готовность брать ответственность на себя, могут иметь критическое значение в условиях острого кризиса занятости. Потенции действовать, а также стратегия реагирования зависят от многих обстоятельств индивидуального и социального характера [9, 10]. Здесь особую роль может приобрести та унаследованная и благоприобретенная сумма представлений, которая очерчивает приоритет труда (а точнее, оплачиваемой занятости) в общей системе ценностей и взглядах на жизнь, видение своей трудовой карьеры, механизмов ответственности, потенциальной способности сопротивляться трудностям в этой ключевой сфере жизнедеятельности².

Разрыв хозяйственных связей вследствие развала СССР и начало гайдаровских реформ дали в 1992 г. первую массовую волну увольнений — всего за год по инициативе администраций предприятий было уволено порядка 1,5 млн. человек³. Угроза увольнения для многих стала вполне реальной. Скрытая безработица начала переходить в открытые формы, а потребность государственных предприятий в рабочей силе заметно сократилась. Численность официально зарегистрированных безработных за год возросла с 62 до более чем 700 тыс. человек, т.е. в 12 раз, при уменьшении числа вакансий более чем в 2 раза. Количество вакансий и численность безработных к октябрю практически сравнялись, а к концу 1992 г. число свободных мест на предприятиях стало меньше, чем зарегистрированных претендентов на них (это впервые в послеНЭПовской истории!). И хотя алармистские прогнозы обвальной безработицы по разным причинам не оправдались, сами безработные как специфическая социальная группа добавили дополнительный — и очень важный — штрих к мозаике новой российской реальности.

Уволенные в 1992 г. стали первыми жертвами рыночных реформ (если не считать тотальное снижение реальных доходов, затронувшее подавляющее большинство

² Ч.Сэйбел называет такой набор представлений world view. Он пишет: "Идея мировоззрения (world view) предполагает, что мир рабочих должен восприниматься как независимое и интегральное целое, в котором амбиции и достоинство, предшествующий опыт школы и рынка труда, вспышки гнева против управляющих, и даже принятие определенных трудностей образуются в соответствии с определенными канонами, и которые рабочий осознает как свои собственные. Эти каноны формируют его ответ на происходящее. Теория, которая не учитывает этого, не может предсказать, как он поведет себя в дальнейшем" [11].

³ Здесь речь идет о 1992 году, поскольку именно он стал первым годом массовой открытой безработицы и именно к этому периоду относятся используемые далее эмпирические данные.

работающих). Лишившись работы не по своей инициативе — впервые в своей жизни, да и впервые в социальной биографии поколений, выросших в советское время, — они попали в совершенно для них незнакомую психологическую и социально-экономическую ситуацию. Многие из этих людей еще далеки от пенсионного возраста, а в своей работе они были не хуже других. Теперь им предстояло найти новую работу (или уйти с рынка труда, что также нетрадиционно для советских людей), возможно, многим пожертвовав ради этого, а также дать непростые объяснения происшедшему — объяснения, которые затрагивают не только их внутреннее психологическое состояние. От них может зависеть и политическая позиция, и стратегии поведения на рынке труда.

Итак, какие обстоятельства влияют на восстановление статуса занятости и адаптацию к изменениям у людей, потерявших работу?

Во-первых, это социальные ресурсы людей, понимаемые как объективные условия, характеризующие индивидуальные возможности индивида. Среди них: пол, возраст, образование, опыт работы, социальный статус на последнем месте работы, социальные связи. Во-вторых, это внешние (по отношению к человеку) возможности трудоустройства, характеризующие локальный рынок труда: например, отраслевая структура рабочих мест, нагрузка на одну вакансию и т. п. И, наконец, в-третьих, это тип экономического сознания, понимаемый как комплекс представлений человека о механизмах функционирования рынка труда и стратегиях поведения в этой сфере. Здесь я имею в виду комплекс личностных характеристик, отражающих внутреннюю готовность индивида полагаться, прежде всего, на собственные силы, а не на помощь со стороны. Этот параметр может быть, в частности, операционализирован с помощью концепции локуса контроля, впервые предложенной Дж.Роттером [12]. М.Делягин, анализируя, безработицу в середине 1994 делает вывод о том, что эта проблема в России "все еще носит в значительной степени психологический характер": "Парадоксально, но факт: отказ от чрезмерных амбиций или даже просто активный поиск работы все еще, несмотря на кажущееся насыщение рынка рабочей силы, приводит к относительно быстрому трудоустройству — зачастую даже с более высоким уровнем оплаты труда" [13]. Об этом же часто говорят и практические работники служб занятости [14].

Методология, выборка, данные. В 1992 г. Госкомстат РФ провел выборочное социологическое исследование "Высвобождение, трудоустройство и условия жизни незанятых лиц трудоспособного возраста", целью которого было изучение механизма и факторов социальной и трудовой мобильности высвобождаемых из государственного сектора в связи с началом экономических преобразований⁴.

В выборку, охватившую предприятия промышленности и научные учреждения 25 областей и краев России, попали лица, уволенные в связи с высвобождением в период с января по апрель 1992 года. Возраст потенциальных респондентов в инструкции интервьюерам был определен в пределах от 18 до 50 у женщин и от 18 до 55 у мужчин. Замысел состоял в том, чтобы отобрать людей в трудоспособном возрасте, за исключением последних 5 лет перед пенсией. Всего было опрошено около 5800 человек, среди которых 29% мужчин и 71% женщин, что практически точно соответствовало фактическому соотношению мужчин и женщин среди безработных в тот момент времени [15].

Резонен вопрос: в какой мере выводы, основанные на данных, относящихся к 1992 году, актуальны в 1995? Казалось бы, темп перемен в стране таков, что даже в один год уместается целая эпоха. Всё это так. Однако, во-первых, в данной работе речь идет о социальных механизмах, которые весьма инерционны, а потому "срок давности" на них распространяется слабо. Во-вторых, сама ситуация на рынке труда за прошедшее время хотя и изменилась, но не радикально. Фактическая безработица по-прежнему невелика, а

⁴ Программа исследования, вопросник и принципы построения выборки были разработаны автором совместно с М.Х.Гарсия-Исер и В.С. Магуном. Выборка более подробно описана в [11].

интенсивность найма по-прежнему значительна⁵. Наилучший, на мой взгляд, анализ проблем безработицы дан в неопубликованной работе Р.Капелюшников [17].

Представления о занятости и рынке труда. Респондентам был предложен список вопросов, содержащих суждения о некоторых ключевых представлениях о труде и занятости (как его институционализированной и оплачиваемой форме. Среди них — индикаторы трудовой этики и значимости труда (отношение к работе и значение упорного труда), атрибуции ответственности за поддержание занятости и обеспечение дохода (отношение к предпринимателям, ответственность человека и государства, поведение безработных при трудоустройстве), отношения к рынку труда (отношение к гарантиям занятости). Колонки таблицы показывают дифференциацию опрошенных в зависимости от статуса занятости на момент опроса, который варьировался от наличия постоянной работы до статуса зарегистрированного безработного.

Мнения, высказанные различными группами респондентов, по ряду суждений весьма близки, однако, встречаются и заметные расхождения. Позитивные суждения (которые, как правило, отражают установку на более высокую персональную ответственность за обеспечение своего статуса на рынке труда) немногим чаще высказываются мужчинами, чем женщинами, а также (заметно чаще) теми, кто смог восстановить постоянную занятость. И наоборот, безработные склонны занижать свою роль и ответственность в этом деле. Утверждая, что "не представляют свою жизнь без работы" (73% опрошенных в данной группе), они в то же время считают, что не индивидуум, а государство должно нести больше ответственности (66%), и что упорный труд, как правило, не приносит успеха (68%). И только 11% из них готовы согласиться с тем, что они — то есть безработные, ищущие работу! — должны браться за любую работу.

Согласно данным, приведенным в таблице 1, именно безработные демонстрируют наименьшую (относительно других представленных в таблице групп) поддержку тезиса о том, что главную ответственность за решение проблем занятости должен нести индивидуум. Одновременно они занимают более жесткую позицию в требованиях к новой работе и высказывают наименьшую готовность идти на уступки в приспособлении к жестоким реалиям "развивающегося" капитализма. (Отвечая на вопросы о том, что такое подходящая работа, безработные выдвигают большее число условий по сравнению, например, с трудоустроившимися.) Если это так, то подобная требовательность может стать долгоиграющим фактором вынужденной (или желанной?) незанятости.

Интересны представления о социальной роли предпринимателей. Этот пункт отражает общую установку на реформы; в массовом сознании россиян данная социальная фигура часто символизирует происходящую в стране общественную трансформацию. Соответственно, образ предпринимателя выступает либо символом спасителя страны от государственных монополий и неэффективного производства, либо одним из главных факторов экономической и социальной катастрофы. Характерно, что в нашем исследовании положительная оценка предпринимателей, как создателей новых рабочих мест, во всех группах (по статусу занятости) разделяется примерно половиной опрошенных. Стабильность ответов на этот вопрос показывает, что даже в относительно сильнее пострадавших от реформы группах отношение к предпринимательству не опускается до критических значений, оставаясь константой.

Факторный анализ. Представления респондентов из табл.1 могут быть дополнены ответами на вопрос о том, "Что, по-Вашему, сейчас прежде всего необходимо, чтобы найти подходящую работу?", который также задавался респондентам. Сформированный таким образом набор индикаторов позволяет судить о том, с чем ищущий работу индивид связывает успешное решение этой проблемы.

Теперь обратимся к факторному анализу, чтобы с его помощью попытаться выделить интегральные типы экономического сознания в интересующей нас области. Как известно,

⁵ В первом квартале 1995 г. 1,9 млн. человек были зарегистрированы как безработные, а 5,6 млн. могли быть классифицированы как безработные в соответствии с определением МОТ [16].

переход от первичных индикаторов к факторам означает выделение меньшего (чем исходный набор) числа наиболее информативных латентных переменных. Каждый фактор — это интегральная характеристика, вбирающая в себя содержание входящих в него признаков. Результаты факторного анализа (метод главных компонент) представлены в табл.2. Описанные ниже факторы объясняют 534% совокупной дисперсии и все они — биполярные, выражающие противоположные типы представления.

Таблица 1.

Распределение мнений респондентов о рынке труда и безработице в зависимости от статуса занятости и пола опрошенных, %

Суждения	Статус занятости				
	постоянная работа	временная работа	нет работы и ищут	нет работы и не ищут	зарегистрированные безработные
	м ж	м ж	м ж	м ж	м ж
Отношение к работе					
1. Я не представляю свою жизнь без работы, даже если бы мое благополучие при этом не пострадало	76 74	64 67	75 72	29 23	78 72
2. Я вполне могу обойтись без работы, мне есть чем заняться	24 26	36 33	25 29	71 77	22 28
Отношение к предпринимателям					
1. Предприниматели — это люди, создающие рабочие места и организующие производство нужных товаров и услуг	56 50	53 46	50 51	50 44	51 51
2. Предприниматели — это те, кто эксплуатируют чужой труд и за счет этого обогащаются	44 50	47 54	50 49	50 56	49 49
Ответственность человека и государства*					
1. Человек должен нести больше ответственности за то, как он себя обеспечивает	49 42	40 32	37 35	44 36	35 33
2. Государство должно нести больше ответственности за занятость и материальное обеспечение граждан	51 58	60 68	63 65	56 64	65 67
Значение упорного труда в жизни человека					
1. В конечном счете упорный труд обычно обеспечивает человеку лучшую жизнь	45 41	38 35	36 34	53 37	35 31
2. Упорный труд, как правило, не приносит успеха — это скорее вопрос удачи и связей	55 49	42 65	64 66	47 63	65 69
Отношение к гарантиям занятости					
1. Вынужденное увольнение и поиск новой работы — это нелегкий для людей, но естественный экономический процесс	52 47	49 47	40 44	50 33	43 43
2. Гарантии, что работника не	48 53	51 53	60 54	50 67	57 57

увольят, важнее экономической эффективности					
Поведение безработных при трудоустройстве					
1. Безработные должны браться за любую имеющуюся работу	24 23	26 22	21 14	26 22	14 10
2. Безработные должны иметь право отказываться от той работы, которая им не подходит	76 77	74 78	79 86	74 78	86 90
Общее число опрошенных	1432	640	2035	614	1166

* Вопросы взяты из анкеты международного исследования ценностей, проведенного в 1990-1991 гг. под руководством Р.Инглхардта.

Первая главная компонента показывает высокую степень связанности (закоррелированности) анализируемых переменных и объясняет почти пятую часть всей дисперсии. Наибольший вклад в этот фактор вносят признаки ответственности человека или государства, значения упорного труда, отношение к гарантиям занятости (табл.2). Они характеризуют соответственно тип представлений о механизмах ответственности, веру в то, что упорный труд всегда в конечном счете вознаграждается (что обычно рассматривается как индикатор трудовой этики⁶), и принятие трудностей с готовностью к адаптации. Ответы на вопрос "Что, по-Вашему, сейчас прежде всего необходимо, чтобы найти подходящую работу?" разделились на две группы. Позиции "высокая квалификация, образование" и "готовность и умение много и интенсивно работать" предполагают превалирование персональной ответственности за поиск работы. Наоборот, ссылками на "возраст (молодым легче)" и "связи, знакомства" респондент снижает свою роль в трудоустройстве, апеллируя к внешним по отношению к нему самому обстоятельствам. Подобная интерпретация этих переменных, как отражающих противоположные ориентации, подтверждается значимой обратной корреляцией между ними ($p < .000$). Они вошли в фактор с взаимнообратными знаками.

Таблица 2

Факторная структура представлений респондентов о занятости и рынке труда (метод главных компонент, до вращения. N=5887).

"Что сейчас прежде всего необходимо, чтобы найти подходящую работу?"	F1	F2	F3	F4
- квалификация, образование	-0.2248	0.13136	0.47795	-0.57309
- готовность и умение интенсивно работать	-0.31157	0.32102	0.1632	0.7143
- возраст (молодым легче)	0.14093	0.44421	-0.55236	-0.28662
- связи, знакомства	0.27655	-0.62925	-0.1022	-0.1366
Суждения				
Отношение к работе	0.20117	-0.28771	-0.54467	0.18371
Отношение к предпринимателям	0.53913	0.37422	-0.00602	-0.05996
Ответственность человека и государства	0.67275	0.22592	0.17968	0.10646
Значение упорного труда в жизни человека	0.64425	-0.21.335	0.03244	0.07222

⁶ О концепции "протестантской трудовой этики" см., напр., [18].

Отношение к гарантиям занятости	0.60571	0.33863	0.12153	0.00553
Поведение безработных при трудоустройстве	0.34766	-0.35348	0.46226	0.13545
Объясняемая дисперсия, %	19.3	12.7	11.3	10.1

На положительном полюсе шкалы рассматриваемого фактора расположились те респонденты, которые разделяют следующий набор взглядов: "государство должно нести больше ответственности за занятость и материальное обеспечение граждан — гарантии, что работника не уволят, важнее экономической эффективности — упорный труд, как правило, не приносит успеха — это скорее вопрос удачи и связей — чтобы найти подходящую работу, необходимы, прежде всего, связи и знакомства". И, наоборот, на полюсе отрицательных значений располагаются приверженцы обратной позиции: "человек должен нести больше ответственности за то, как он себя обеспечивает — вынужденное увольнение и поиск новой работы — это нелегкий для людей, но естественный экономический процесс — в конечном итоге, упорный труд обычно обеспечивает человеку лучшую жизнь — чтобы найти подходящую работу, необходимы, прежде всего, готовность и умение много и интенсивно работать".

Этот фактор является специфической проекцией достаточно общей психологической характеристики личности, называемой локусом контроля. "Если человек большей частью принимает ответственность за события, происходящие в его жизни, на себя, объясняя их своим поведением, характером, способностями, то это показывает наличие у него внутреннего (интернального) контроля. Если же он имеет склонность приписывать ответственность за все внешним факторам, находя причины в других людях, в окружающей среде, в судьбе или случае, то это свидетельствует о наличии у него внешнего (экстернального) контроля" [19]. Эти термины были введены в науку Роттером, который рассматривал интернальность и экстернальность локуса контроля как устойчивые свойства личности, сформированные в процессе социализации [12]. Поэтому назовем первую компоненту *фактором (принятия-отрицания) личной ответственности за восстановление занятости или фактором локуса контроля*⁷.

Данный фактор статистически значимо ($p < .001$) коррелирует с наличием постоянной работы ($r = -.1192$) и статусом безработного ($r = .0822$). При этом внутренний локус (полюс отрицательных значений шкалы) соответствует тем, кто восстановил занятость, а внешний (положительные значения) — безработным.

Полюс положительных значений фактора 2 собрал тех, кто выражает желание и готовность трудиться, принимая при этом тяготы адаптации ("безработные должны браться за любую работу"), но в то же время апеллирует к гарантиям и ответственности государства. Фон для проявления этой позиции — осознание своей уходящей с возрастом конкурентоспособности ("молодым легче") и отторжение зарождающейся негосударственной экономики ("предприниматели — это те, кто эксплуатируют чужой труд и за счет этого обогащаются"). Эти респонденты имеют большой стаж работы, в том числе на данном предприятии, и расстались с последней работой с сожалением. В то же время они решили больше поработать, по-видимому, имея надежды на источники существования, не обусловленные их постоянной занятостью.

Иной — несколько циничный — образец представлений тяготеет к полюсу отрицательных значений. Здесь преобладают те, кто, с одной стороны, имеет более слабую трудовую мотивацию ("я вполне могу обойтись без работы" и "упорный труд, как

⁷ Близкий по смыслу фактор получен В.Магуном на другом эмпирическом материале — в исследовании активности подростков. Интерпретируя результаты, он пишет, что тот, "кто надеется на других, тот не выражает готовности к собственным усилиям, трудностям и лишениям, а кто рассчитывает на себя — не ждет помощи от окружающих" [20].

правило, не приносит успеха — это скорее вопрос удачи и связей"), но, с другой, ничего не ждет от государства, более полагаясь на себя и на знакомства. Это преимущественно молодые люди, не укоренившиеся на последнем месте работы, и с относительно высоким уровнем образования. Их поведение после увольнения заключалось либо в пассивном ожидании предложений о трудоустройстве, либо в попытках открыть собственное дело. В целом же это измерение можно назвать фактором поколенческих различий в системе представлений о труде. Он иллюстрирует своеобразный конфликт "отцов и детей" в отношении к труду. Этот параметр очень сильно коррелирует с возрастом ($R=.31$ при $p<.001$) и практически не зависит от пола респондентов.

Также поколенческий конфликт, но уже другого рода, заключен в факторе 3. Здесь, с одной стороны, те, кто вовлечен в работу и дорожит ей, а в новом трудоустройстве больше рассчитывает на приобретенные образование и квалификацию (в меньшей степени на умение и готовность работать). При этом они ожидают от государства больше ответственности за занятость людей и подтверждают право безработных отказываться от непривлекательных предложений. Эта группа — в ней преобладают более молодые и образованные люди — после увольнения сразу приступила к поискам новой работы и к моменту опроса многие восстановили свой статус постоянной занятости.

На противоположном полюсе располагаются уставшие от работы и утратившие вовлеченность в нее (если таковая и была прежде). В то же время они назидательны по отношению к другим, полагая, что человек должен нести больше ответственности за занятость, а безработным следует браться за любую работу. Приверженцы этих представлений либо не работают вовсе, либо перебиваются случайными разовыми подработками. Это, как правило, люди в возрасте, которые решили больше не работать (либо немного отдохнуть) и готовы уйти на пенсию.

Как мы видим, тут речь идет также, как и в случае с фактором 1, о личной ответственности за восстановление занятости. Но, если там индивид берет ответственность на себя, снимая ее с государства, то здесь он перекладывает ее на других людей. Назовем этот параметр *фактором смещенной персональной ответственности или интернальности для других (личной ответственности за восстановление занятости)*.

В интерпретации положительных значений фактора 4 доминирует переменная "чтобы найти подходящую работу, главное — это готовность и умение много и интенсивно работать" (ее факторный вес составляет 071). Хотя на ее фоне вклад прочих переменных и невелик, последние смещены в направлении нежелания работать и отказа от усилий и персональной ответственности со стороны тех, кто ищет работу. К портрету этой группы можно добавить то, что здесь преобладают молодые люди, оставившие прежнюю работу без особого сожаления и довольствующиеся временной работой.

Область негативных значений также определяется, прежде всего, представлениями о том, что необходимо для успешного трудоустройства. По мнению тех, кто статистически тяготеет к этому полюсу шкалы, здесь главное — высокая квалификация и образование, а затем возраст (молодым легче), и в меньшей степени связи и знакомства. Эти люди (они, как правило, старше тех, кто располагается на противоположном конце шкалы), с сожалением расставшись с прошлым местом работы, сразу стали искать новое. Данную шкалу можно назвать *фактором представлений о требуемых для трудоустройства персональных ресурсах*. Мотивация и привычка к интенсивному труду как ресурс в их сознании противостоит ресурсам немотивационного типа, таким как возраст, квалификация и связи.

Итак, мы проанализировали четыре наиболее информативных фактора, собственные значения которых превышают 1. В сумме они описывают 53,4% общей дисперсии признаков. Фактор 1 описывает тип (принятие — отрицание) личной ответственности за восстановление занятости или locus контроля. Фактор 2 отражает поколенческие различия в системе представлений о труде. Признание персональной ответственности, но перенесение ее на других людей, выражается Фактором 3, который мы также назвали

параметром интернальности для других. Представления о требуемых для трудоустройства персональных ресурсах концентрируются в Факторе 4. Здесь мотивация и навык интенсивного труда как ресурс противостоят ресурсам немотивационного типа, таким как возраст, квалификация и связи.

Восстановление занятости. Итак, мы получили набор новых переменных, которые, отражая определенный сегмент экономических представлений респондентов, иллюстрируют их субъективное отношение к поведению на рынке труда. Теперь мы располагаем дополнительными информационными инструментами, чтобы дать ответ на главные вопросы, сформулированные в начале статьи. Во-первых, каково влияние субъективных факторов на восстановление занятости? И, во-вторых, какова их роль в этом в сравнении с другими — объективными — обстоятельствами?

Статистическая взаимозависимость полученных компонент экономического сознания с показателями результативности трудоустройства показана в табл.3.

Из таблицы 3 следует, что, основное влияние субъективных факторов сконцентрировано в первой компоненте — локусе контроля (F1). Напомню, что рост значений F1 соответствует усилению экстернальности контроля. Мы видим, что продолжительность незанятости сильно коррелирует с уровнем экстернальности. Также отметим заметно большую интернальность тех, кто восстановил занятость⁸. Воздействие второй компоненты — также статистически значимой — существенно слабее. Отражаемые ею желание трудиться и готовность респондентов к тяготам приспособления частично нейтрализуются апелляциями к помощи государства, что снижает их адаптационный потенциал.

Остановимся более подробно на факторе (принятия — отрицания) личной ответственности за восстановление занятости (F1) как наиболее информативном. Есть целый ряд обстоятельств, которые могут ослаблять принятие респондентами персональной ответственности, подталкивая их к идее внешней атрибуции.

Во-первых, весь практический опыт жизни при социализме, когда государство претендовало на единоличное разрешение всех проблем. Работа на социалистическом предприятии также учила, что от рядового работника ничего не зависит. Уравнительное распределение трудового вознаграждения и стратификация, основанная на формальном статусе, а не на реальных достижениях, убедительно воспитывали "не высовываться" и избегать ответственности. Во-вторых, это общая логика современного индустриального производства и крупных иерархических организаций. Доминирующие здесь внутренние рынки труда с закрытыми отношениями занятости делают очень опосредованной связь между персональными усилиями работника и следующим за ними вознаграждением. Это, как отмечается исследователями, также стимулирует формирование внешнего локуса контроля [21]. И, наконец, в-третьих, индивидуальные биографии респондентов, увольнение большинства из которых никак не связано с качеством их конкретной работы. Тем не менее, перечисленные обстоятельства ни в коей мере не отменяют эмпирического факта его заметной межгрупповой дифференциации.

Таблица 3

Экономическое сознание и эффективность трудоустройства, факторные нагрузки

Показатели трудоустройства	F1	F2	F3	F4
В течение какого времени после увольнения Вы не работали (или не работаете)?	0.1376**	-0.0546**	0.0511*	-0.0117
	-			

⁸ Корреляция между статусом занятости (наинизший статус имеют безработные) и продолжительностью незанятости составляет $r = -0.64$ и значима при $p < 0.0001$

Статус занятости (безработные, временная работа, постоянная работа) * — $p < .01$; ** — $p < .001$	0.145**	0.0447*	-0.0279	-0.0263
--	----------------	----------------	----------------	----------------

Наши расчеты свидетельствуют, что внутренний локус контроля, сопровождающий ориентацию на собственные силы, более свойственен мужчинам, имеющим высшее образование или ученую степень (а также квалифицированным рабочим, получившим подготовку в профессионально-технических училищах), работавшим до увольнения руководителями различных рангов. Они скорее, чем другие группы, склоняются к тому, что "спасение утопающих — дело самих утопающих" и следует рассчитывать прежде всего на себя самого. Наоборот, женщины со средним образованием и ниже, занимавшие места рабочих, более склонны связывать свой статус занятости и положение на рынке труда с внешними обстоятельствами и помощью со стороны. При этом, направленность и выраженность локуса контроля не зависят от общего трудового стажа или стажа работы на предприятии, которое пришлось покинуть. Корреляция этих признаков для всех групп очень слаба и статистически незначима. Что же касается деления на работающих и неработающих, то они значимо различаются по типу локуса контроля: среди последних степень экстернатности выше. Однако остается неясным, что первично, а что — следствие. Либо психологические черты личности помогают быстрее восстанавливать занятость, либо объективные трудности, с которыми сталкивается соискатель работы, ломают человека, провоцируют "опустить руки", вызывая отчаяние решить эту проблему самостоятельно.

Таблица 4

Значения фактора личной ответственности (F1) в зависимости от статуса занятости и продолжительности незанятости

Продолжительность вынужденного перерыва в работе	Трудоустроившиеся			Безработные		
	все го	мужчи ны	женщи ны	все го	мужчи ны	женщи ны
0-60 дней	-0.18	-0.28	-0.13	0.14	-0.24	0.25
61-120 дней	0.08	-0.03	0.13	0.21	0.24	0.2
121 и более дней	0.19	-0.73	0.33	0.11	-0.02	0.13
В среднем	-0.14	0.26	-0.08	0.16	0.07	0.19
Объем подвыборки	1802	634	1159	1121	206	911
Уровень значимости	0.0002	0.1407	0.0008	0.3276	0.0227	0.3609

Впрочем, теоретически возможно и иное развитие событий, при котором интернатность контроля усиливается по мере увеличения продолжительности незанятости.

Сравним восстановивших занятость (работавших постоянно на момент опроса) и зарегистрированных безработных. Изменение статуса занятости может вызывать существенные изменения в показателях трудовой этики: у безработных она снижается, в то время как у трудоустроившихся она существенно возрастает [22]. Затянувшаяся незанятость может оказывать сильное влияние на психологию человека, вызывая апатию, подрывая потенциал сопротивления трудностям. Поскольку продолжительность незанятости у трудоустроившихся и безработных различается более чем в три раза (33,5 и 108,3 дня соответственно), то, по-видимому, более корректно сравнивать группы с сопоставимыми временными интервалами незанятости. Подобные данные о динамике F1 представлены в табл.4.

Как видно из табл. 4, при относительно больших выборках (> 100) и при равном по длительности перерыве в работе интернальность (значения $F1$) у работающих оказываются устойчиво и значимо выше, чем у безработных. Это верно и для мужчин, и для женщин. Внутренне ориентированный тип атрибуции, мобилизующий ресурсы и мотивацию человека, сопутствует успеху в поисках работы.

Но изменяются ли у безработных тип и значения локуса во времени? Корреляция между $F1$ и показателем продолжительности незанятости, рассчитанная по всей выборке, статистически значима (табл.3, $R=1.129$ при $p<.001$). Однако данные, дифференцированные по временным интервалам незанятости и приведенные в табл.5, не позволяют ни подтвердить это, ни опровергнуть. Во-первых, эти подвыборки малы для надежных заключений. Во-вторых, сама история безработицы в России недостаточно продолжительна для подобных выводов. Напомним, что наибольший срок безработицы у наших респондентов едва дотягивал до полугода⁹. Возможно, что для устойчивости свидетельств подобной психологической трансформации необходимы более длительные воздействия.

Конечно, восстановление занятости или же дальнейшее сползание в категорию безработных, в том числе длительно безработных, происходит отнюдь не только из-за различия в $F1$. Здесь сказывается множество различных обстоятельств; социальные и персональные ресурсы (социальный статус и социальные связи, опыт предшествующей мобильности, возраст, квалификация, образование, пол, наличие альтернативных источников доходов и т.д.), привлекаемые для трудоустройства, структура хозяйства в данном населенном пункте (моноотраслевая или диверсифицированная), масштабы создания новых рабочих мест, деятельность служб занятости и т.п.

Расширим межстатусные сравнения (между работающими и безработными) за счет привлечения дополнительных переменных из инструментария. Статистический анализ показывает, что сопоставляемые группы мало различимы по возрасту, образованию, общему стажу и стажу работы на последнем месте. Предшествующий опыт мобильности, который, как казалось бы, должен помогать в восстановлении занятости, усиливая общую адаптивность, примерно одинаков, но даже несколько выше у безработных. (42% наших безработных все время работали на одном месте по сравнению с 58% среди трудоустроившихся).

Однако есть и существенные различия. Прежде всего, они касаются доли мужчин в обеих подвыборках: 36% среди работающих против 19% среди безработных (29.4% в целом по выборке). И, наконец, среди трудоустроившихся выше доля рабочих и руководителей (по месту работы до увольнения) — наиболее конкурентоспособных на сегодняшний день соискателей работы (44% и 4% против 36% и 2%). Наоборот, среди безработных преобладают служащие и специалисты (37% и 24%), имеющие относительно худшие шансы трудоустройства по специальности.

Значительные межгрупповые различия проявляются при сопоставлении поведения людей после увольнения. 37% трудоустроившихся к моменту увольнения уже имели заранее подобранное место, куда идти работать, а 52% сразу же включились в поиски новой работы. По-иному реагировали те, кто позднее стал безработным. Хотя 75%, судя по их ответам, сразу приступили к поискам, практически никто не имел готовых вариантов. 14% решили отдохнуть, 11% предпочли ждать интересного предложения. То есть, с самого начала эта группа респондентов оказалась в растерянности, а процесс поиска работы приобрел более пассивный и неспешный характер. Но и здесь различия в стратегиях поведения хорошо согласуются с доминирующими типами локуса. Респонденты-"интерналы" оказались либо подготовленными к возможной потере работы и уже имели альтернативную занятость, либо немедленно приступили к активным поискам. Экстерналы реагировали на увольнение более пассивно, зачастую предпочитая

⁹ Впрочем, уже в 1993-1994 гг. средняя продолжительность пребывания в состоянии безработицы заметно возросла.

сначала передохнуть и оглядеться, а лишь затем приступать к поискам. Подобная потеря темпа и нерешительность в действиях сказывается в том, что цена совокупных потерь для второй группы ("экстерналов") оказывается заметно выше.

Таблица 5
Некоторые характеристики респондентов в зависимости от статуса занятости

Признаки	Постоянная занятость	Временная или разовая работа	Безработные	В среднем по выборке
Пол (% женщин в выборке)	64	62	81	68
Возраст (лет)	37.6	37.1	37.6	37.5
Социальный статус, соответствующий последнему месту работы (балл)	1.4	1.31	1.42	1.4
Образование (1-7 баллов)	5.3	4.8	5.5	5.3
Значение локуса контроля (F1)	-0.1665	-0.0271	0.1524	-0.0528
Тип населенного пункта (1 — малый город, 5 — крупный город)	4.28	4.36	4	4.22
Всего опрошенных	2141	614	1145	3900

Теперь перейдем к сравнительному сопоставлению эффектов, оказываемых индивидуальными ресурсами и локусом контроля. Из табл. 5 видно, что два признака — пол и локус контроля — обладают значительной (по сравнению с другими переменными) дифференцирующей силой.

Более точно вклад разных обстоятельств можно оценить с помощью несложной регрессионной модели, где зависимая переменная Y_1 отражает изменения в статусе занятости (безработный, занятый на временной работе, восстановивший полную занятость). В качестве независимых переменных введем возраст (X1), пол (X2), образование (X3), социальный статус на момент увольнения (X4), тип населенного пункта (X5), который показывает диверсифицированность хозяйства и, косвенно, возможности нового трудоустройства. Сюда же добавим выделенный выше фактор 1 (F1), интерпретируемый как переменная, характеризующая принятие — отрицание персональной ответственности за обеспечение занятости. Для контроля можно использовать регрессию с зависимой переменной Y_2 , измеряющей продолжительность незанятости после увольнения в днях. Расчеты приведены в табл.6.

Итак, хотя прогнозная сила регрессии невелика, тем не менее модели статистически значимы. Прежде всего отметим, что возраст респондента и его социальный статус практически не повлияли на сам факт нового трудоустройства. Впрочем, это не отменяет того факта, что они могут оказывать существенное влияние на параметры нового места работы. Ранее уже отмечалось, что более высокий социальный статус респондента на прошлом месте работы давал заметные преимущества в новом трудоустройстве, хотя проявлял явную тенденцию к снижению на новой работе [15]. Что же касается возраста, то, по-видимому, его слабое влияние отражает специфику только появляющейся безработицы, не достигшей острого и хронического состояния. После долгих лет почти поголовной вовлеченности в общественное производство для многих людей в возрасте

появилась возможность добровольно уйти с рынка труда. Возможно, что если бы не увольнение, то они продолжали бы по инерции работать, не решаясь на этот шаг. Увольнение же спровоцировало и катализировало подобное решение. В нашей выборке 11% опрошенных (9% среди мужчин и 12% среди женщин) приняли решение не возвращаться, по крайней мере временно, на рынок труда. В общем же случае в рыночных экономиках, как известно, пожилые работники менее уязвимы для увольнений, однако если это происходит, то шансов восстановить занятость у них значительно меньше, чем у молодых [2].

Таблица 6 Параметры множественной регрессии

Переменные	Y1 - изменения в статусе значимости*		Y2 - продолжительность незанятости после увольнения**	
	Коэффициенты	Уровень значимости	Коэффициенты	Уровень значимости
X4 статус	0.0355	0.2744	1.90228	0.2744
X2 пол	-0.25891	0	18.96111	0
X3 образование	-0.027	0.0008	2.59987	0
X 1 возраст	-0.00046	0.7486	0.33746	0.0004
X5 тип насел. пункта	0.08727	0	-4.65188	0
F1 локус контроля	-0.10129	0	6.74988	0
A constant	0.566	0.0057	64.22157	0

* — N=3638, R=.22458, R Sq=.05044, Adjusted R Sq=.04887, St Error=.85756, F=32.14407, Sign F= 0.0000
 ** — N=3638, R=.26381, R Sq=. 06960, Adjusted R Sq=.06782, St Error=52.47930, F=39.30809, Sign F= 0.0000.

Влияние фактора пола респондентов на успех в трудоустройстве весьма заметно, Вероятность этого для мужчин оказывается значимо выше, чем для женщин. Согласно Табл.6, это наиболее "сильная" переменная. Следом за ней — по мере убывания влияния на восстановление занятости — идет параметр локуса контроля. Мы видим, что "интерналы" относительно легче (по сравнению с экстерналами) восстанавливают статус занятости, При этом вклад локуса контроля весит больше, чем вклад образования и типа населенного пункта. Последний косвенно характеризует внешние (по отношению к индивидууму) условия функционирования местного рынка труда.

Схожие результаты дает и замена зависимой переменной Y1 (статус занятости) в регрессионном уравнении на переменную Y2, показывающую продолжительность пребывания респондента в состоянии незанятости (в днях). Этот временной отрезок значимо меньше у мужчин-"интерналов". В этом случае возраст, образование и тип населенного пункта "работают", однако роль социального статуса по предыдущему месту работы остается незначимой.

Конечно, имеющиеся эмпирические свидетельства пока не дают достаточных оснований для категорических выводов о том, что значимость мотивационно-культурных обстоятельств перевешивает роль ресурсных факторов. Тем более у нас недостаточно прямых статистических аргументов для обоснованных суждений о роли внешних факторов. Однако мы можем утверждать, как минимум, то, что на данном этапе значение психологической подготовленности людей к борьбе с собственной безработицей не менее важно, чем политика, направленная на расширение внешних — средовых — возможностей трудоустройства. Подтверждается более общий тезис психологов о том, что "в современном мире люди, которые склонны брать на себя ответственность за события, происходящие в их жизни и окружающей среде, по всей видимости, лучше

адаптированы, нежели те, кто стремится приписывать ответственность за все внешним факторам. Это вытекает из данных исследований в самых разных сферах человеческой жизни" [19].

Заключение. В ходе начавшихся экономических реформ проблема открытой безработицы в России вышла за рамки лишь научных и идеологических дискуссий и уже затронула повседневную жизнь миллионов людей. Сформированное социалистическими идеологией и практикой

экономическое сознание населения начало освобождаться от старых мифов и двигаться к более рациональному объяснению функционирования рынка. Динамика экономических представлений и культуры, в свою очередь, сказывается на поведении людей, облегчая или, наоборот, блокируя адаптацию к формирующимся механизмам рыночной экономики.

Результаты исследования, представленные выше, свидетельствуют о том, что готовность людей действовать и понимание ими своей личной ответственности за восстановление занятости, имеет принципиальное значение для выхода из состояния безработицы. Подобный субъективный фактор, который мы в данной работе интерпретировали через понятие локуса контроля, играет роль не меньшую (если не большую — как минимум, на начальной стадии роста безработицы), чем социальные и персональные ресурсы (пол, возраст, образование, социальный статус, приобретенный до увольнения) или внешние обстоятельства. Эффект внутреннего локуса контроля, означающего преимущественную ориентацию на собственные силы, нежели расчет на помощь государства, стабильно уступает в процессах трудоустройства лишь влиянию половых различий. Российская безработица сохраняет "женское лицо": при преобладании "мужских" вакансий женщины составляют устойчивое большинство как среди уволенных, так и среди безработных.

Конечно, наши суждения о значении субъективных факторов нуждаются в дополнительных исследованиях, Эмпирические данные, которыми мы располагаем, относятся к 1992 году, когда безработица только начала переходить в открытую фазу и в экономике сохранялось значительное число вакансий. Однако, думается, что в ситуации более напряженного рынка труда рациональные и решительные действия людей также скорее ведут к успешному трудоустройству, нежели в хронические безработные. По-видимому, роль персональной активности в поиске работы тем существеннее, чем слабее развиты институциональные механизмы трудоустройства и чем менее доступна полная и качественная информация о составе и наличии вакансий.

Из этих заключений следуют достаточно очевидные и важные политические выводы, Необходимо не только развивать инфраструктуру и институты рынка труда, включающие системы оказания помощи при трудоустройстве, но и учить людей действовать при подобных обстоятельствах. Это должно было бы стать одним из приоритетов как для государственных органов, отвечающих за политику на рынке труда, так и для профсоюзов. К сожалению, следует признать, что усилия, предпринимавшиеся до сих пор в этом направлении, были явно не достаточными. Можно добавить: массовое обучение тому, как жить "в рынке", имеет принципиальное значение не только для борьбы с безработицей. Едва ли какой аспект нашей экономической действительности не претерпел в последние годы радикальных перемен. Экономическая же культура и стереотипы поведения миллионов россиян, доставшиеся как приданое от государственного социализма, едва ли облегчают движение страны к рыночной экономике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Feather N. The Psychological Impact of Unemployment. New York: Springer-Verlag, 1990.
2. Kelvin P., Jarett J. Unemployment. Its Social Psychological Effects. Cambridge

University. Press, 1985.

3. Чернина Н., Глазкова С Самочувствие безработных на рынке труда // Человек и труд. 1993. N.12.

4. Magun V. Labor Values and Labor Ethic in the Socialist and Postsocialist Russia. Moscow, 1994.

5. Moscoff W. Hard Times. Impoverishment and Protest in the Perestroika Years: The Soviet Union 1985-1991. New York: M.E.Sharpe, 1993.

6. Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения // ВЦИОМ: Информационный бюллетень N.3.1994. С. 21.

7. Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения // ВЦИОМ: Информационный бюллетень N.4. 1993. С. 34.

8. Gimpelson V. Economic Consciousness and Reform of the Employment Sphere // Double Shift: Transforming Work in Postsocialist and Postindustrial Societies. New York: 1993.

9. Гордон Л. Социальная адаптация в современных условиях // Социологические исследования. 1994. N.8-9.

10. Магун В., Гимпельсон В. Стратегии адаптации рабочих на рынке труда // Социологические исследования, 1993, N.9.

11. Sabel C. Work and Politics. P.80-81.

12. Rotter J. Generalized Expectancies for Internal versus External Control of Reinforcement // Psychological Monographs. 1966. Vol. 80.

13. Делягин М. Опасность безработицы в России принято преувеличивать // Известия. 1994. 27 сентября.

14. Ищу работу // Труд. 29 октября 1994.

15. Гимпельсон В., Магун В. Уволенные на рынке труда: новая работа и социальная мобильность // Социологический журнал. 1994. N.1.

16. Независимая газета. 22 апреля 1995.

17. Капелюшников Р.И. Проблемы безработицы в России. М., 1994.

18. Furnham A. The Protestant Work Ethic: The Psychology of Work-Related Beliefs and Behaviours. London, 1991.

19. Муздыбаев К. Психология ответственности. Л.: Наука, 1983.

20. Магун В. О взаимосвязях готовности человека к собственным усилиям и ожидаемой им помощи // Психологический журнал. Том 12. N.6. С43.

21. Sorensen A. Social Structure and Mechanisms of Life-Course Processes // Human Development and the Life Course: Multydisciplinary Perspectives / Ed. by A.Sorensen, F.Weinert, L.Sherod. London: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1986.

22. Feather N., O'Brien. A longitudinal study of the effects of employment and unemployment on school-leavers // Journal of Occupational Psychology. 1986. Vol.59. P. 121-144.